Научная статья
УДК 321.011:008(470+571)"20"
DOI: 10.18101/1994-0866-2026-3-3-13

# Цивилизационный суверенитет России в XXI в.: понятие, стратегии и практики

**© Агапов Олег Дмитриевич**
доктор философских наук, профессор,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова
Россия, 420111, г. Казань, ул. Московская, 42
ag.oleg2015@yandex.ru

**© Агапова Элеонора Игоревна**
кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Академия наук Республики Татарстан
Россия, 420111, г. Казань, ул. Лево-Булачная, 36а
agapova.ele@yandex.ru

**Аннотация.** Цивилизационный суверенитет России — одна из обсуждаемых тем российского академического сообщества начала XXI в. Знаковой вехой в обсуждениях стал концепт *государство-цивилизация*, закрепившийся не только в ряде научных школ, но и в концепции внешней политики России с 2023 г. Теория государства-цивилизации не отменяет единство человеческого рода, не снимает тягу человечества к универсальному/всечеловеческому, но требует понимания и соблюдения принципа отношения к историческому процессу как открытой системе, имеющей свою иерархию/гетероархию.

Цивилизационный суверенитет — это один из атрибутов государственного суверенитета, означающий способ ценностно-смыслового самоопределения России как субъекта истории в вечности и времени среди иных субъектов истории. Обсуждение проблематики цивилизационного суверенитета является показателем уровня ее онтологической зрелости, позволяющей выйти на уровень тринитарного мышления, на логику апостола Павла, «*и — и*», где Россия одновременно и *европейская*, и *евразийская*, и *евразийско-тихоокеанская* страна. Своеобразие России возможно понять опираясь на принципы цивилизационного реализма, прагматизма и проактивности, в контексте цивилизационной компаративистики, учитывая различные социокультурные системы координат.

Цивилизационный статус России интуитивно дан и обрел свое онтологическое оправдание в ее историческом бытии в IX–XXI вв. Для постижения цивилизационного профиля России важно преодолеть факторы навязанной идентичности и понять атрибуты российской цивилизации.

**Ключевые слова:** государство-цивилизация, цивилизационный суверенитет, коммуникация, альтернативы истории, герменевтика, философия истории, синергия, идентичность, медиация, смысл.

**Для цитирования**
Агапов О. Д., Агапова Э. И. Цивилизационный суверенитет России в XXI в.: понятие, стратегии и практики // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2026. Вып. 3. С. 3–13.

**Введение**

Гуманитарный, духовный, цивилизационный, ценностный, когнитивный суверенитеты России относятся к числу тем, обсуждаемых российским академическим сообществом в начале XXI в. Необходимость разработки цивилизационного суверенитета в России осознается и политической элитой, и академическим сообществом: в 2026 г. заместитель председателя Правительства РФ Д. Н. Чернышенко сообщил о создании на базе МГИМО (ректор А. В. Торкунов) Центра исследований мирового уровня «Ценностный суверенитет: социальные технологии развития и защиты ценности устойчивой личности в эпоху нестабильности» [11]. Эксперты Агентства стратегических инициатив, рассматривая вопросы технологического суверенитета России, обращают внимание на важность в его обретении *когнитивных технологий* (моделей мышления и восприятия) и *технологий управления сложностью* (моделей государственного и общественного управления), поскольку они вырабатываются политической элитой в рамках самоопределения в международных отношениях [6].

Очевидно, что категория государственного суверенитета нуждается в расширении объема и содержания, исходя из критериев цивилизационной матрицы, подразумевающей выстраивание научного, философского, теологического, цифрового, технолого-экономико-экологического (по всем ключевым социальным институтам) типов суверенитета. Сомнения обывателей-мещан, выражающих в социальных сетях свой скепсис о целесообразности выделения новых граней и аспектов суверенитета, скорее говорят об инертности и косности их мышления, чем об искусстве применения «бритвы Оккама», призывающего не умножать сущее.

Раскрытие видов и уровней, стратегий и практик суверенитета и суверенности — это атрибут развития любого народа как субъекта истории. В частности, каждый субъект истории одновременно воплощается в историческом процессе: 1) как *субъект государственного строительства* (горизонт времени) и 2) как *субъект культуры/цивилизации* (горизонт вечности/Абсолюта). В первом случае суверенитет воплощается через конкретные формы заботы о сущем (территории, границы, армия, устойчивая экономика и технологические уклады, все виды государственной безопасности), а во втором — с точки зрения вечности, когда речь идет о метафизической мобилизации и способности народа или личности обрести собственную форму жизни, а также различать смысл и меру жизни (предел и призвание) и нести ответственность как перед собой, так и перед Другими, Богом/Абсолютом.

В целом, разрабатывая вопросы суверенитета, необходимо обращать внимание на онтологическую сторону проблемы суверенности. Можно выделить эссенциальный пласт, отвечающий на вопрос «что есть суверенитет?», его атрибуты, модусы, а также синергийный пласт, ставящий вопрос о субъекте суверенитета. В относительно спокойные периоды истории доминируют эссенциальная интерпретация и понимание суверенитета, а в периоды исторической турбулентности востребован синергийно-субъектный подход, поскольку исторический процесс наглядно демонстрирует свою *субъектность/антропность*. В современном мире

суверенитет все чаще определяется не только способностью защищать территорию, но и способностью самостоятельно мыслить, воспроизводить культуру, формировать образ человека, задавать язык будущего и удерживать собственную цивилизационную форму.

В контексте синергийной антропологии *суверенность* — это качество субъекта истории на всех его уровнях и модусах (субъект веры, субъект права, субъект культуры). Субъектность исторического процесса предполагает в качестве атрибута развития сознание (осмысленность) и самосознание, а следовательно, способность к коренному пересмотру и переориентации цели и смысла развития. Отсюда необходимым условием развивающегося субъекта становятся идеи, ценности, смысловые интенции.

**Контексты теории «государство-цивилизация»**

Современные цивилизационные теории, активно развивающие концепт «государства-цивилизации», безусловно, связаны со стремлением:

1) к поиску трансцендентных смыслов истории;

2) пониманию новой онтологической и эпистемологической конфигурации «всеобщего — особого — единичного» в истории человеческого рода;

3) выявлению структур и институтов социального бытия, способных поддержать человеко-со-размерность перед серией технологических революций.

Коротко остановимся на каждом.

1. В начале XXI в. мы наблюдаем усиленный интерес к политической теологии К. Шмитта, Р. Жирара и др. Этот интерес ряд исследователей связывают с онтологическим поворотом, движением к поиску трансцедентных смыслов. Человеческий род и каждый из нас предстоят вечности/Богу, а не только времени/Другим. Вне решения проблемы вечности невозможен переход от «несчастного сознания» (по Г. Гегелю) человека, отчужденного от всего и вся, к сознанию полноты бытия. Более того, у каждого народа как субъекта истории, по Л. П. Карсавину, есть *миссия/телеономия* — дорасти до симфонии из ублюдненности. В современных условиях уровень всеобщего — это уровень универсального/метацивилизационного, а уровень частного — каждый из нас, в масштабе и форме личностно-субъектного существования/бытия.

Сложность заключается в том, как добиться спряжения различных смысловых интенций. Одна из ведущих стратегий здесь — овладение искусством герменевтического, диалектического и феноменологического мышления.

2. Большое заблуждение — интерпретировать теорию государства-цивилизации как методологический отказ от восприятия единства человеческого рода. Напомним, Арнольд Тойнби настаивал на том, что в Современности (XIX в. — наст. вр.) все национальные государства — это «бледные» тени единой христианской цивилизации, имеющей различия в католической, православной и протестантской теологии и как следствие в культуре, политике, экономике. Вадим Цымбурский полагал, что различия между Россией и Евро-Атлантикой будут ощущаться всегда: «Своим северным православием, своим пережитым, но не изжитым большевизмом, “русскостью” и кириллицей Россия представляет собой скопление примет,

противостоящих формальным показателям ядра Запада. Сосуществованием и контрастом этих комплексов обусловливается и особый характер признаковой дифференциации восточноевропейского интервала: любой признак, отдаляющий живущие здесь народы от России, можно политически использовать для сближения с Западом и наоборот» [10].

А. Щипков считает, что «СССР и Россия — это субцивилизация... или часть евроатлантической (христианской, западной) цивилизации, в которую входят Западная и Центральная Европа (бывшая Священная Римская империя), Восточно-Европейский союз или, если угодно, Соединенные штаты Восточной Европы... И третий, самый молодой субъект — США» [7, с. 45].

В целом поспешно отмененная постмодернистами философия истории Г. В. Ф. Гегеля всегда утверждала диалектику «всеобщего-особого-единичного» в историческом процессе. Современное научное восприятие истории как сложной открытой системы также предусматривает осмысление как глобального, так и локального в истории каждого народа. В политической философии XXI в. есть понимание гетероархии международных отношений. Китайский философ Юк Хуэй пишет: «Чтобы осмыслить новый миропорядок, выходящий за рамки одного гегемона, нам нужен новый язык космополитики» [9].

Цивилизационная теория подчеркивает амбивалентную тягу человечества как к универсальному/всечеловеческому, так и конкретному/сингулярному в политических и социокультурных процессах. Это прекрасно понимали отечественные культурологи С. С. Аверинцев и Г. С. Померанц, называвшие цивилизации «устойчивой коалицией культур, связанных единой вселенской религиозно-философской традицией» [8, с. 250]. Они были склонны считать, что есть культурные миры — *субэкумены* (средиземноморская, индийская, китайская, исламская), создающие мета-и-мегацивилизации[1].

Таким образом, переход на логику развития государства-цивилизации, по А. Грякалову, есть выход на *тринитарную логику восприятия мира и себя*, логику самодостаточности, ухода от бинарности и блоковости в политическом мышлении. Самосознание и деятельность с позиций третьего «поощряют к производству» субъектности, поскольку третий — это *метапозиция*, где есть «единство конкретно-всеобщего религиозного переживания мира, культурного космоса и неповторимого поступка» [3, с. 462]. Это своего рода центр, который «нигде не находится, но всему дает возможность существования» [3, с. 459]. В целом А. Грякалов считает, что будущее за *транснациональными идеями*, способными выступить позитивными стратегиями для сборки социумов в XXI в. Негативной альтернативой он называет постмодернистский терроризм [3, с. 465].

3. Связка «государство-цивилизация» важна тем, что вне государственной поддержки цивилизационные паттерны и коды будут представлены в социальной реальности в слабой форме (на уровне социального поля П. Бурдье) или быстро превратятся в токсичной постмодернистской среде в «игру в бисер» (по Г. Гессе).

[1] Цивилизациум. Метацивилизация. URL.: https://sites.google.com/site-/civilizacium/home/civilizacium/okeaniceskaa-civilizacia (дата обращения: 20.06.2026).

В условиях цифровой трансформации, тотального увлечения искусственным интеллектом человек все больше становится лишь ресурсом, населением, единицей учета, объектом мобилизации, потребления или управления. Поэтому важно держать в фокусе внимания духовное измерение человеческого бытия как *практику сопротивления* технологическим и иным редукциям. Иными словами, поворот к постижению места и роли государства-цивилизации настоящего связан с попыткой институционально выявить и закрепить субъектность человека/человеческого рода, его неустранимость и важность в бытии истории/мира.

В начале XXI в. возникла необходимость усиления и превращения социокультурных смыслов в определенные практики институционализации и структурации смыслов, а также программы защиты человеческого бытия/статуса/стати перед лицом технологических революций и технократических утопий пост- и трансгуманистов. Неслучайно в государствах-цивилизациях Большой Евразии — России и Китае — большое внимание уделяют защите традиционных ценностей, образов и стилей жизни.

Сегодня государства-цивилизации (Китай, Индия, Иран, Россия) возвращают себе право на историческую преемственность, на длительную историческую память в противовес «короткой» истории Модерна, где все государства мира делились по законам геополитики мир-системы, по И. Валлерстайну, на метрополии, периферийные государства и колонии.

**Суверенитет/суверенность как антропологическая практика**

Известный философ Д. Ю. Дорофеев отмечает, что человек (шире — человеческий род) обладает суверенностью или свободой. «Суверенность человека выступает как “*власть определять и полагать себя в качестве спонтанно развертывающейся личности...* в множественных автономиях, каждая из которых является результатом ее уникального и целостно-неповторимого по отношению друг к другу истечения энергий”» [4, с. 198]. Более того, «суверенный человек — это человек, который имеет власть, но не подчинять себе Иного, а размыкать себя в выходе навстречу ему. Но при этом речь идет именно о суверенной открытости, т. е. открытости, не полагаемой Иным, не определяемой им и не сводящейся к нему, а являющейся личностным выбором самого человека, обретающего в нем всю полноту собственной уникальности» [4, с. 232].

На наш взгляд, важно понимать, что есть поле субъектно-суверенной открытости и спонтанности, где ключевым моментом выступает именно «*открытость, не полагаемая Иным, не определяемая им и не сводящаяся к нему*». Подобный трансцендентальный жест дает возможность понять различие между метафизическими маршрутами различных народов. Например, практика предстояния перед Дао не тождественна практике предстояния перед «Богом живым». Разумеется, с точки зрения философии религии мы вправе трактовать опыт китайского конфуцианско-даосского субъекта истории и опыт российского восточнохристианского субъекта как общий опыт трансценденции или размыкания, но мы должны различать конкретные истории трансценденции. Именно религии выступали и выступают формой обращения человеческого рода с трансцендентным, открывая

модусы присутствия для политической, экономической и социокультурной жизни человеческих сообществ. В частности, А. Тойнби свое деление на цивилизации связывал с религиозным признаком (христианская, исламская, конфуцианская, буддийская). К примеру, внутри христианской цивилизации можно выделить три центра сборки субъектов истории: католицизм (Рим/Ватикан), православие (Константинополь/Москва), протестантизм. Внутри арабо-мусульманской цивилизации мы различаем не только направления суннизма и шиизма, но также исмаилизм, алавизм, друзизм, влияние которых весьма выразительно в современных геополитических и геокультурных реалиях Ближнего Востока.

Вместе с тем следует помнить, что не только религия, но и философия, право, наука и искусство, техника и идеологии создают свое поле, инструментарий и практики работы с Иным, выступая сферой конституирования и институционализации структур и состояний сознания множественных субъектов истории. Иными словами, для философии истории важно не только постулировать субъектность исторического процесса, но и различать типы и практики сборки субъектов истории, историю синергии или со-сложения человеческого и божественного, человеческого и природного, человеческого и человеческого (сознательного и бессознательного), светского и духовного, всеобщего — особого — частного. В этом смысле цивилизационный суверенитет выступает в качестве способности входить в мир не как объект чужого описания, а как субъект, способный к самоописанию, ауто-/автопоэзису.

Исследователь духовных практик и традиции О. И. Генисаретский отмечал, что «применительно к сознанию, если оно рассматривается как отличное от воли, уместнее говорить о *синиконии*, символическом подобии образов и прообразов человеческого и божественного сознаний. Если речь идет о сообщительности божественного и человеческого лиц, стянутости воли и сознания в единство самопроизволения/самосознания, то синергия и синикония оказываются двумя сторонами *синаксии* — созначности даруемых божественных благ и ценностей, которым человек привержен в своей духовной избранности и внутреннем устроении. Наконец, в духовно-творческом мире налицо еще *синархия*, соотношение божественной и человеческой природ (начал, статей)» [2, с. 240–242].

Французский историк и философ Фернан Бродель в своем исследовании «Что же такое Франция» обращает наше внимание на следы синергии, а именно *отстой*, *сплав*, *сочетания* и *смеси*. Он утверждал, что ключ к пониманию Франции — это ее история как целое, состоящее из «бесчисленных напластований, которые слой за слоем терпеливо откладывало ее прошлое, подобно тому, как мощная земная кора образовывалась из еле заметных морских осадков, накапливавшихся в течение многих веков». Более того, Ф. Бродель отмечает, что все исторические напластования не обеспечивают автоматического единства. Напротив, французская нация ведет «нескончаемую борьбу... с самой собой» ради своего бытия, поскольку «нация может существовать, лишь если она бесконечно ищет самое себя, лишь если она постоянно эволюционирует, лишь если она неустанно противопоставляет себя другим и стремится соответствовать лучшему, главному, что в ней скрыто,

тому, что воплощено в идеальных образах и заветных словах, известных только посвященным (будь то элита или все население страны — последнее случается не так уж часто), стремится обрести свое лицо, разбираясь в тысяче текстов, верований, речей, оправданий — в безбрежном море бессознательного, смутных совпадений, идеологий, мифов, фантазмов...» [1, с. 13]. Таким образом, каждое государство-цивилизация являет собой гетерогенно-гомогенную структуру, живущую по принципу «неслиянно и нераздельно», причем структуру с несколькими (плавающими) центрами. Подобная двойная (n-мерная) идентичность свидетельствует о *цивилизационной зрелости* и способности к развитию на собственных имманентных основаниях.

**К определению понятия «цивилизационный суверенитет»**

Все вышесказанное свидетельствует о том, что понятие цивилизационного суверенитета тесно связано с *до-определением* государственного суверенитета, где в качестве приоритета выступает способ ценностно-смыслового самоопределения субъекта истории в вечности и времени среди иных субъектов истории. Таким образом, *цивилизационный* (гуманитарный/духовный/ценностный/когнитивный) *суверенитет* — это способность народа, граждан и институтов гражданского общества самостоятельно ставить и разрешать фундаментальные вопросы бытия личности, общества и государства с опорой на собственное историческое бытие. Связка субъектов истории — «народ — гражданин/личность — институты» важна, поскольку развитие темы цивилизационного суверенитета в синергийно-субъектном контексте позволяет утверждать, что знаменитый уровень *цветущей сложности* (по К. Леонтьеву) — это задача каждого поколения российских граждан. Необходима духовная борьба каждого за традицию, против нигилистических мировоззрений, пропагандирующих «плоскую» жизнь. Традиция представляет собой мир восстановленной полноты смыслов и практик человеческой субъектности. Разумеется, каждое из государств-цивилизаций представляет собой единство «ставшего — становящегося — могущего стать», требующее понимания того, что искомая полнота жизни и смыслов возможна только в духовном преодолении идеологий «плоских» онтологий, в активных практиках личностно-гражданских инициатив. Более того, каждая из цивилизационных форм постоянно подвергается проверке на *человекоразмерность*, на верность гуманитарно-антропологическим принципам, потому следует помнить, что исторический процесс представляет собой практику антропологического испытания и предстояния перед сущим.

В современном политико-философском смысле цивилизационный суверенитет — это шаг ценностно-смыслового обогащения общественного сознания российской политической нации (иных субъектов истории, способных признать свою историческую преемственность), ее возрастания в цивилизационном достоинстве, творение жизни со смыслом/в смысле.

Ключевой проблемой эпохи Модерна был *феномен навязанной идентичности*, связанный с политикой насильственной европеизации, где *a priori* отвергалась возможность самоопределения неевропейских народов как в метафизических, так и социально-политических и экономических вопросах. С. Каспэ предполагает, что

развитие государств-наций только на уровне цивилизации обретает свою полноту и зрелость, но это требует от нее целеполагания в вечность, выбора и жертвы/посвящения [5, с. 60].

Разговор о цивилизационном суверенитете опирается на онтологическую связку «субъектность — топос — время», где речь идет не только об онтологической безопасности (по Э. Гидденсу), предполагающей как минимум атрибуты хабитуализации, личного статуса, общей телеономии жизни, устойчивых форм коммуникаций между людьми, но и об *онтологической зрелости* в духе синергийной антропологии С. С. Хоружего и О. И. Генисаретского, различающих в социально-историческом бытии человеческого рода полновесные онтологические и онтические и виртуальные практики/топосы. В современной философии науки зрелость каждой из областей научного познания проявляется посредством конкуренции научно-исследовательских программ, способных выявить сущность и модусы развития изучаемой предметной сферы (в случае России конкуренцией и кооперацией таких цивилизационных проектов, как «Остров Россия», «Россия — Евразия», «Другая Европа», «(Нео)Византия», «Скандовизантия», «Региональная держава», «Мировая держава» и т. д.).

Важно, как показал в случае с цивилизационной идентичностью Франции Ф. Бродель, не потерять в исторических напластованиях и периодах идеи преемственности и единства многообразия, требующих осознания, что простую формулу российского исторического бытия невозможно обрести ни в рамках теологического дискурса, ни в рамках философско-научных объяснений. История каждой страны (не только России) требует выхода на определенный уровень сложного системно-структурного мышления.

Полагаем, что своеобразие России возможно понять, опираясь на принципы цивилизационного реализма, прагматизма и проактивности, в контексте цивилизационной компаративистики, учитывая различные социокультурные системы координат и парадигмы социально-гуманитарного познания (реализма, номинализма, концептуализма, конструктивизма). Например, с точки зрения парадигмы реализма цивилизационный статус России уже интуитивно дан и обрел свое онтологическое оправдание в ее историческом бытии в IX–XXI вв., представляющем собой феноменологическое целое, которое невозможно не заметить, отменить, замолчать. Для постижения цивилизационного профиля России важно совершенствовать практики герменевтико-экзегетических интерпретаций атрибутов российской цивилизации (синергийность, длинная формула идентичности, мобилизационная субъектность и т. д.).

Развитие рефлексии о цивилизационном суверенитете России означает выход российской гражданской политической нации на уровень онтологической зрелости, позволяющий выйти в сферы тринитарного, а не бинарного мышления, где логика «*или — или*» заменяется на логику «*и — и*» апостола Павла, логику наращивания и обогащения смыслов. Например, согласно длинной формуле идентичности российская цивилизация может быть охарактеризована одновременно и как европейская, и как евразийская, и как евразийско-тихоокеанская, если опираться на географический фактор (по В. А. Никонову). Все указанные модусы — суть

отражение периодов развития русского/российского субъекта истории. Важно, чтобы между полюсами идентичности образовывалось герменевтическое поле, позволяющее осуществить *медиацию* ради поиска *меры понимания* и *смысла* в жизни каждого.

Герменевтико-феноменологический подход к феномену исторического бытия России открывает возможность для трансцендентально-экзистенциального объяснения динамики российской истории, а также наметить стратегии и практики развития цивилизационного суверенитета. Среди *стратегий* цивилизационного суверенитета необходимо выделить «нормативное» предпринимательство; конституционное творчество путем референдумов; выработку цивилизационного гуманитарного канона в сфере теологии, философии, науки и искусства; выстраивание цифрового контура государств-цивилизаций, а к *практикам* цивилизационного суверенитета можно отнести искусство «длинной воли» и жизнестойкости; искусство взаимоупора (С. Аверинцев); искусство «взращивать институты»/«взращивать смыслы» (А. Аузан — И. Дискин); искусство «различать духов эпохи» (Н. Бердяев, В. Кожинов, А. Панарин); искусство проактивного мышления (А. Неклесса, С. Переслегин, А. Щипков).

**Заключение**

Итак, наша гуманитарная навигация по тематике цивилизационного суверенитета показала, что средоточием суверенитета выступает субъект истории, стремящийся реализовать ключевые атрибуты своего трансцендентально-экзистенциального бытия, а именно спонтанность, свободу и суверенность, которые наиболее полно в теоретико-методологическом плане схватываются, объясняются и понимаются в рамках синергийно-антропологического подхода, позволяющего осмыслять вопросы субъектной идентичности, социального пространства-времени в единой связке. В контексте синергийной парадигмы цивилизационный суверенитет выступает как историческая форма, стягивающая воедино гражданско-правовую и социокультурную идентичности каждого человека и государства в относительно *единый этос*, формирующий константы смысла и практики причастности, исторической активности и творческого воплощения.

Динамичность и синергийность человеческого бытия показывают, что цивилизационный суверенитет требует от каждого субъекта истории духовной практики, постоянной мобилизации для обретения практик творчества жизни на уровне онтологической зрелости. Действительно, интуитивное схватывание, осознание и практики цивилизационного суверенитета-субъектности — это своего рода практика сложности/слаженности, синтеза и обогащения, позволяющая формировать великодушие как основу для исторического творчества, сочетающего в себе как моменты жизнестойкости, так и жизнеспособности. Разговор о России как государстве-цивилизации важен именно потому, что он возвращает суверенитету смысловую глубину. Страна существует тогда, когда способна ясно понимать собственную историческую форму, свой образ человека и меру будущего. Подлинный суверенитет начинается там, где народ не просто сохраняет себя в истории, а осознает, ради чего он идет дальше.

**Литература**

1. Бродель Ф. Что такое Франция : в 2 книгах. Кн. 1. Пространство и история / перевод с французского. Москва : Издательство имени Сабашниковых, 1991. 406 с.
2. Генисаретский О. И. Навигатор: методологические расширения и продолжения. Москва : Путь, 2002. С. 240–242.
3. Грякалов А. А. Топос и субъективность. Свидетельства и утверждения. Санкт-Петербург, 2019. 568 с.
4. Дорофеев Д. Ю. Под знаком философской антропологии. Спонтанность и суверенность в классической и современной антропологии. Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2012. 464 с.
5. Каспэ С. Политическая теология и nation-bilding общие положения, российский случай. Москва : РОССПЭН, 2012. 191 с.
6. Методические подходы к разработке модели суверенного технологического развития / Д. Н. Песков, А. Л. Силинг, К. Е. Потапов, Е. Н. Грибов // Проблемы прогнозирования. 2025. № 1(208). С. 62–77.
7. Плаха. 1917–2017: сборник статей о русской идентичности / составитель А. В. Щипков. Москва : ПРОБЕЛ-2000, 2015. 216 с.
8. Харин А. Н. К типологии цивилизационных суперсистем / А. Харин // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1. С. 247–255.
9. Хуэй Ю. Фрагментация будущего. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2026. 224 с.
10. Цымбурский В. Народы между цивилизациями // ИНТЕЛРОС (intelros.ru). URL: http://www.intelros.ru/subject/figures/1075-vadim_cymburskijj_narody_mezhdu_civilizacijami.html (дата обращения: 25.08.2026).
11. Чернышенко Д. Определены победители конкурса на предоставление субсидии научным центрам мирового уровня. URL: http://government.ru/news/58636/ (дата обращения: 28.07.2026).

*Статья поступила в редакцию 16.07.2026; одобрена после рецензирования 20.08.2026; принята к публикации 22.09.2026.*

## Russia’s Civilizational Sovereignty in the 21st Century: Concept, Strategies, and Practices

*Oleg D. Agapov*
Dr. Sci. (Philos.), Prof.,
Timiryasov Kazan Innovative University
42 Moskovskaya St., Kazan 420111, Russia
ag.oleg2015@yandex.ru

*Eleonora I. Agapova*
Cand. Sci. (Philos.), Senior Researcher,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russia
agapova.ele@yandex.ru

*Abstract.* Russia's civilizational sovereignty is one of the actively debated topics within the Russian academic community of the early 21st century. The concept of the state-civilization, which anchored not only in several scientific schools but also in Russia's Foreign Policy since 2023, has become a landmark milestone in these discussions. The theory of the state-civilization does not negate the unity of humankind and does not eliminate humanity's striving toward the universal/pan-human. Instead, it requires understanding and adhering to the principle of treating the historical process as an open system that possesses its own hierarchy/heterarchy.

Civilizational sovereignty is an attribute of state sovereignty, a way for value-semantic self-determination of Russia as a subject of history in eternity and time among other historical subjects. The ongoing discussion surrounding civilizational sovereignty serves as an indicator of its ontological maturity, allowing for an ascent to the level of trinitarian thinking — specifically, to the "both/and" logic of Apostle Paul, where Russia is simultaneously a European, Eurasian, and Eurasian-Pacific country. Russia's distinctiveness can be understood by drawing upon the principles of civilizational realism, pragmatism, and proactivity within the context of comparative civilizational studies, while taking into account diverse socio-cultural coordinate systems.

Russia's intuitively perceived civilizational status has found its ontological justification over the historical period from the 9th to the 21st centuries. To fully comprehend Russia's civilizational profile, it is essential to overcome the factors of imposed identity and grasp the core attributes of Russian civilization.

*Keywords:* state-civilization, civilizational sovereignty, communication, historical alternatives, hermeneutics, philosophy of history, synergy, identity, mediation, meaning.

*For citation*

Agapov O. D., Agapova E. I. Russia's civilizational sovereignty in the 21st century: Concept, strategies, and practices. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2026; 3: 3–13 (In Russ.).

*The article was submitted 16.07.2026; approved after reviewing 20.08.2026; accepted for publication 22.09.2026.*